

Елена
Арсеньева

Госпожа
сочинительница

Исторические
новеллы
любви

Госпожа сочинительница

Елена Арсеньева

**Любовный роман ее жизни
(Наталья Долгорукая)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Любовный роман ее жизни (Наталья Долгорукая) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Госпожа сочинительница)

ISBN 5-699-13155-8

Главное предназначение женщины – заботиться о муже и детях, вести домашнее хозяйство. А если этого мало? Если в сердце горит огонь творчества, если любовное чувство выражается в виде поэтических строк? Для таких дам один путь – заняться литературой. Но на этом пути встречается столько терний и невзгод, что судьбам поэтесс позавидовать трудно. И все же – они прекрасны! О том, как жили и творили Зинаида Гиппиус, Каролина Павлова, Марина Цветаева и другие, прославившие себя в веках поэтессы, читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-13155-8

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Елана Арсеньева

Любовный роман ее жизни

(Наталья Долгорукая)

Судьба бывает иногда невероятно злобна и коварна. То есть настолько, что никакому завистнику и мизантропу не выкопать под куполом ночи, покровительницы всех и всяческих подлецов и доносителей, таких глубоких ям ближнему своему, каких нароет Фортуна на пути не просто существа доброго и милого, но и совершенно безгрешного, с ангелом сравнимого душою. И этому страдающему ангелу одно, наверное, бывает в утешение: уподоблять себя многотерпеливому Иову, которого *Бог любил*, за то и терзал, за то и мучил, проверяя его преданность и любовь к себе.

Очень может быть, что и Наталью Долгорукую судьба терзала и мучила, проверяя ее любовь к мужу, который был для нее первым после Бога на земле, а в глубине влюбленного сердца – пожалуй, и превыше Господа. Столько преград, сколько было выставлено на пути ее преданности к обожаемому человеку, трудно себе вообразить и даже нарочно нагромоздить вроде бы невозможно.

В конце концов там, на небесах, похоже, развели руками и поняли, что дольше мучить эту воистину святую женщину попросту жестоко и несообразно. Ее оставили в покое, никак не вознаградив за беспредельное терпение, потому что тот, кого она так безумно и беззаветно любила, нацеплял на себя чрезмерно много всяких грехов, своих да и чужих, за что и принужден был расплатиться преждевременной и мучительной смертью.

А невероятная страсть к нему жены его стала основой для первого русского любовного романа. Вдобавок дамского, то есть написанного женщиной.

* * *

– Ну, ну, девонька, полно плакать да рыдать. Слезами горю не поможешь. Долгоруким теперь конец, это все кругом промеж себя шепчут, а кто посмелей, те и вслух говорят.

– Я ничего такого не слыхала.

– Да ведь ты и не бываешь нигде, не выдаешь никого, сидишь в четырех стенах, словно баба старая, а не девица молодая на выданье.

– На каком еще на выданье? Я невеста обрученная! Разве вы позабыли, братец Петр Борисович? Вы же сами присутствовали в ноябре прошлого года на нашем обручении. Сначала праздновали в честь императора Петра Алексеевича, царство ему небесное, божьему ангелу, и княжны Екатерины Алексеевны Долгорукой, а на другой день – в нашу честь с князем Иваном... Какая радость была, какое торжество! Боже ты мой, сколько мне надали всего! Бриллиантовые серьги, часы, табакерки... Руки не могли всего бы забрать, когда б не помогали поднимать! А перстни, которыми мы обручались, были его – в двенадцать тысяч, мой – в шесть тысяч рублей...

И улыбка скользнула по заплаканному девичьему лицу при этих блаженных воспоминаниях.

Петр Борисович Шереметев, старший сын знаменитого фельдмаршала Бориса Петровича, посмотрел на свою сводную сестрицу с печальным раздражением.

Тоже мне, сестрица... Да у него меньшие детки старше этой сестрицы! Конечно, ее матушка, вторая жена фельдмаршала, Анна Петровна Нарышкина, баловала Наталью и нежила, как не всякая мать дитя свое ласкает да балует. Однако Анна Петровна была гораздо младше и своего пасынка, Петра Шереметева-старшего (у нее вскоре родился и свой сынок,

Петр), и всех остальных детей мужа от первого брака, поэтому никто в семействе ее слишком всерьез не принимал. Вот и видно, что никакому уму-разуму она не успела дочку научить за те четырнадцать лет, что провела близ нее, пока не умерла. Последние два года после этого печального события Наталья жила в семье старшего сводного брата и, нечего сказать, вела себя как разумная девица, свою и семейную честь блюла и какого нашла жениха – позавидуешь! Князь Иван Алексеевич Долгорукий, фаворит юного императора Петра II, отпрыск знатнейшего рода...

Да, позавидуешь лютому врагу, что не его сводная сестрица нашла себе такого жениха, как Ванька Долгорукий, любимчик умершего мальчишки-государя, отпрыск семейства, которое восстановило против себя столько людей, что теперь немало найдется охотников сверзить их с тех высот, на которые они столь незаслуженно взобрались! И Головкины, и Ягужинские, и Лопухины против них, и Голицыны, Волынский, и Феофан Прокопович... Это только явные враги, а сколько тайных неприятелей! С часу на час полетят Долгорукие вверх пятами. Не хотелось бы, чтоб и глупая девчонка загремела вместе с ними.

А ведь чуёт, конечно, Наталья, будущую судьбу свою, по сравнению с которой юдоль печали цветущим садом покажется, – то-то слезами обливается...

– Ты человек молодой, – вкрадчиво проговорил Петр Борисович. – Не сокрушай себя так безрассудно. Князю Ивану можно и отказать.

– Как – отказать? – переспросила Наталья, уставив на старшего брата большущие заплаканные глаза.

– Ну, как другие отказывают? – пожал тот плечами. – Напишем письмо: так, мол, и так, бог нас простит да рассудит... пошлем человека с сим посланием... И все покончено разом будет. Ты за себя не тревожься, в девках ты не засидишься. Будут и другие женихи, не хуже его достоинствами, разве что не такие великие чины иметь будут. Одно только слово твое, и все переменить возможно. Волынского сын тебя и прежде за счастье почитал взять, и теперь с радостью возьмет. А сам Артемий Петрович Волынский при новой государыне Анне Иоанновне непременно в такую честь войдет, что твоим Долгоруким и не снилось. Еще и посмеешься, что раньше мечтала о князь Иване...

– Как же так? – недоумевающе перебила Наталья. – Одного обрученную невестой была, потом за другого пошла с тою же охотой...

Старший брат раздраженно пожал плечами: а ведь девка, похоже, глупее, чем он думал!

– Ничего, сие дело представить можно так, будто тебя на первое обручение принудили. Сошлешься вон на свою сводную, а мою родную сестрицу Анну Борисовну Головину (она ведь повиснет удавкой – не снимешь!) или на нарышкинскую свою родню: мол, они настояли. Ну и Долгорукие-де обошли, обаяли: всем известно, сколь хитер да велеречив князь Алексей Григорьевич, народу своими лисьими хитростями извел несчитано. И какого народу, самого Александра Даниловича Меншикова со свету сжил, где тебе, молоденькой, было против него устоять! А со временем ты-де одумалась и хочешь все вспять повернуть... Ну что? Решилась? Пошлем к Долгоруким с отказом?

Наталья понуро молчала.

Петр Борисович впервые пожалел, что эта девка – не настоящая родня ему. На родную-то он бы слов не тратил – выпорол, да и дело с концом. Уже нынче же взяла бы слово у Долгорукого да отдала Волынскому!

Ага, наконец-то перестала глаза тупить. Надумала. Что-то скажет?

– Войдите в рассуждение, братец Петр Борисович, – заговорила Наталья голосом, еще прерывающимся от слез, но с каждым словом звучащим все тверже. – Честна ли будет после того моя совесть, что, как суженый мой велик был, я с радостью за него шла, а когда он стал несчастлив, отказала ему? Я такому бессовестному совету согласиться не могу. Я сердце одному отдала, положив жить или умереть с ним вместе, тут другому уже нет участия в моей

любви. Я не имею такой привычки сегодня одного любить, а завтра другого. Я всему свету докажу, что в любви верна!

Тут она не выдержала и зарыдала снова.

Петр Борисович, глубоко оскорбленный тем, что его совет назвали бессовестным, взирал на эти слезы не без презрения.

– Ну, коли ты так глупа, – пробормотал он, – то пусть будет как будет.

Однако все же пожалел сестру – не сказал того, что думал и что, как он считал, сказать следовало бы: «Коли ты так глупа, вся жизнь твоя отныне будет – одни сплошные слезы!»

...Пожалуй, в декабре 1729 года во всей России невозможно было отыскать молодой пары, которой более щедро и солнечно улыбалось бы счастье, чем этим двоим: двадцатидвухлетнему князю Ивану Долгорукому и шестнадцатилетней графине Наталье Шереметевой.

Даже состоявшееся лишь днем ранее обручение молодого императора Петра II с первой красавицей Петербурга, сестрой Ивана Долгорукого, княжной Екатериной Алексеевной меркло перед блеском нынешнего обряда, потому что всем, кто хотел знать, было ведомо: княжна Екатерина, эта гордячка, императора не любит, а любит она Альфреда Миллесимо, племянника австрийского посла Вратислава.¹ За императора же «взялась» из опасного тщеславия и по наущению отца своего, князя Алексея Григорьевича, до славы и благ мирских зело жадного – еще более, чем жаден был его предшественник, несостоявшийся императорский тесть и великий временщик Алексашка Меншиков, который, к слову сказать, в эти же самые дни отдал богу душу в заметенном метелями Березове, который и находится неведомо где: там, где Макар телят не пас.

Ну так вот, венценосный жених с гордячкой-невестою сидели на своем обручении надутые и веселились из-под палки, с тоской поглядывая в совместное будущее, а князь Иван и графиня Наталья сияли, потому что без памяти были друг в друга влюблены и нарадоваться не могли, что отныне станут вечно принадлежать друг другу.

Князя Ивана еще несколько лет назад назначили гоф-юнкером к великому князю Петру Алексеевичу, внуку императора Петра и сыну несчастного царевича Алексея Петровича. То есть великий князь приходился полным тезкою своему деду, однако ничего, кроме высокого роста, маленького, крепко сжатого рта и темных глаз, от деда не унаследовал. При дворе сначала самого Петра, потом императрицы Екатерины Алексеевны он находился в совершенном небрежении и забвении. Право слово, кабы умер тогда мальчишка (наследника престола в нем в ту пору еще не видели, вернее, не хотели видеть), никто и не почесался бы. Воспитывал его кто ни попадя, учили люди совершенно случайные: не слишком доброго поведения вдова какого-то портного и столь же высоконравственная вдова какого-то трактирщика. Диву, впрочем, даваться сему не приходилось, ибо при дворе «бабушки» Петра, императрицы Екатерины (Марты Скавронской тож), водился в большинстве своем только этакий народ, добропорядочностью не отличающийся. «Бабушка» ведь и сама была из тех вечных девушек, которые о женской чести понятие имеют своеобразное... Может быть, и не совсем плохое, однако с этим понятием с большим трудом уживается забота о людях других, тем паче – о детях, тем паче – о детях чужих. Чтению и письму Петра учил танцмейстер Норман, а поскольку он служил некогда во флоте, то заодно посвятил великого князя в основы обожаемого дедом-императором морского ремесла, возбудив, между прочим, во внуке великое отвращение к морю. Настолько сильное, что он потом на время своего недолгого правления даже вернет русскую столицу из отсыревшего и продутого морскими ветрами Петербурга в теплую и сухую Москву! Побывав в руках какого-то еще Маврина и столь же значительного Заикина, юный Петр был отдан затем

¹ Об этой истории можно прочитать в книге Елены Арсеньевой «Любовь у подножия трона».

в ученье к умному и злому человеку Андрею Ивановичу Остерману, а под присмотр – к семнадцатилетнему князю Ивану Долгорукому.

И вот тут-то он впервые в жизни почувствовал себя счастливым.

Князь Иван при всей своей бесшабашности и разболтанности (он ведь рос и воспитывался, как положено недорослю из богатой русской семьи, – то есть рос сам собой, аки трава в чистом поле, а воспитывался кем ни попадая, вернее, не воспитывался никем) оказался человеком добрейшим. Забитый, всеми затурканный царевич был достоин жалости. И князь Иван его пожалел. Одарил своей великодушной дружбой, начав учить всему тому, что сам умел делать в совершенстве: пить, курить, играть в карты, драться, скакать верхом, фехтовать, ну и, само собой, волочиться за барышнями, девицами, дамами, женщинами, бабами... короче, за всяким существом в юбке, потому что князь Иван был величайшим юбочником своего времени. Но при этом он имел редкостный талант ладить со всеми своими многочисленными любовницами: теми, что важно разгуливали по мраморным или паркетным полам, и теми, которые застенчиво шмыгали по черным лестницам; теми, которые пользовались плодами его любвеобилия нынче, и теми, кто уже получил у него отставку. Всякая его обожала, всякая благословляла. Мужчины были к нему не столь расположены, особенно те, головы коих по его милости украсились ветвистой порослью. А впрочем, те, кому с ним нечего было делить, считали его лучшим и надежнейшим товарищем на свете.

Вскоре точно так же стал думать и Петр. Он весьма привязался к князю Ивану и ни за что не пожелал расстаться со своим другом, когда против того ополчился сам Александр Данилович Меншиков – Иван Долгорукий осмелился неодобрительно отозваться о намерении светлейшего обручить свою дочь Марию с великим князем Петром. Разумеется, решение это взбрело на ум хитрому Алексахке не раньше и не позже того времени, как забитый и забытый всеми великий князь вдруг превратился в единственного реального наследника короны Российской империи. Об этом тоже было князем Иваном молвлено, да не слишком тихо.

Алексахка вспыхнул порохом: был он обидчив и мстителен. За насмешки и дерзости решил он отправить князя Ивана в полевые полки, на его место назначив своего сына Александра. Хоть воспротивиться этому новому назначению великий князь Петр не смог, но верного друга от себя не отпустил. Унылый, скучный Меншиков-младший, увы, ни умом, ни нравом не напоминал своего батюшку в молодости, а ведь именно безудержными выдумками и весельем тот когда-то прочно завоевал сердце первого Петра и положил начало своей головокружительной карьере. Поэтому фаворитом будущего Петра-второго остался все же Иван Долгорукий, а близ него начали насиживать себе местечки другие Долгорукие, прежде всего – князь-отец Алексей Григорьевич.

Верно говорили, что другого такого пролазы и проныры на всем свете не сыскать! Он был подобен воде, которая камень точит. Вот и подточил он камень Алексахкиного благополучия, вот и унесло светлейшего той водою в далекое далеко, вот и возвеличилась при дворе молодого императора не фамилия Меншиковых, а фамилия Долгоруких.

Больше всего на свете князь Алексей Григорьевич мечтал сделаться императорским тестем, справедливо рассуждая, что тот, кто владеет незрелым умом этого большого ребенка – государя, тот владеет всеми богатствами страны. Подсовывая Петру свою старшую дочь Екатерину, бывшую и в самом деле невероятной красавицей, он мечтал этим браком подставить ножку сыну, которого тайно ревновал и который оставался первой привязанностью и первым другом мальчишки-императора. Лишь только Петр оказался на престоле, князь Иван получил чин майора Преображенского полка, что равнялось чину генеральскому, и назначен был обер-камергером двора. Без преувеличения – он сделался самым влиятельным человеком в государстве, перед ним раболепствовали не только придворные, но и иностранные министры.²

² Обычное звание в России начала XVIII в. послов и посланников других государств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.